

Древнееврейский язык в КДА как язык Библии: культурно-конфессиональные и идеологические обстоятельства изучения и преподавания

Сергей Головащенко

Рассматривая специфически культурологические факторы развития отечественной библеистики, не лишним было бы обратиться к обстоятельствам изучения и преподавания оригинальных языков Библии киевской духовно-академической школой в XIX ст. Тут следовало бы привлечь во внимание текстуальную базу, создаваемую на протяжении предшествующего периода существования Киевской академии; рассмотреть идейные и методологические основания усилий, в свое время направленных на актуализацию вопроса об оригинальных библейских языках в преимущественно православной культурно-конфессиональной среде Российской империи (где прочтение Священного Писания традиционно основывалось прежде всего на традиции греческого текста Септуагинты и на церковнославянской, “кирилло-мефодиевской” традиции); а также обратить внимание на некоторые, на наш взгляд, примечательные моменты в эволюции статуса некоторых “библейских” языков (у нас речь пойдет, прежде всего, о древнееврейском) в киевской духовно-академической культуре.

Известно, что определение и закрепление статуса “языков Библии”, так же, как и “языков литургии”, традиционно является вопросом не только культурно-историческим, но и составляет одну из краеугольных проблем становления конфессионально-культурной идентичности различных религиозных традиций. В нашем случае мы имеем дело с конфессионально-ориентированной библеистикой, где текстуальной основой для восприятия и освоения Писания была традиция Септуагинты, древнейшего греческого перевода библейских книг. Ветхий Завет на греческом, воспринятый православной традицией в версии LXX, стал почвой и для иных переводов, в т.ч. (в рецензии Лукиана Самосатского) для “кирилло-мефодиевской”, церковнославянской Библии.

Привлечение же древнееврейского и арамейского языков в круг “оригинальных библейских”, кроме своеобразной “наследственной памяти” (которая особенно проявилась, скажем, в восточном христианстве III-IV ст. н.э. посредством знаменитой Оригеновой Гексаплы, а в западном IV-V ст. н.э. – во время подготовки латинского перевода Библии Иеронимом Стридонским), имело в качестве основания еще и реформационную идеологию с её *sola Scriptura* и изначальным антикатолическим (“антивульгатовским”) пафосом [1] возвращения к альтернативным первоисточникам в виде масоретского текста. Так что в постреформационный период и эпоху Нового времени не только греческий или латинский языки, но и древнееврейский и арамейский становились актуальными для христианской (прежде всего протестантской) библеистики.

Актуальность “священного триязычия”, связанная с осознанием возможности и необходимости воспитания интеллектуалов, настроенных на самостоятельное, творческое, критическое восприятие и истолкование как авторитетных текстов античных мыслителей, так и Священного Писания, через много столетий после “триязычного” Иеронима осуществлялась в существенных трансформациях европейской академической, университетской культуры, в частности, в появлении т.н. *Lycaeum Trilingue* – “триязычных” коллигиумов, – таких, как коллигиум при Лувенском университете, созданный под влиянием идей Эразма Роттердамского; парижский триязычный колледж (впоследствии *College de France*), оксфордский *Corpus Christi*; испанский коллигиум *San Ildefonso*, где преподавались

библейские языки и готовилась одна из известнейших в мире библейских полиглотт – Комплютенская [2].

Давние контакты киевской богословской школы с западной университетской, академической культурой обусловили такую возможность и для православной духовно-академической среды. Прежде всего отметим, что киевские интеллектуалы XVII-XVIII ст., такие, как Иннокентий Гизель, Андрей Мужилковский, Петр Могила, Афанасий Миславский, Феофан Прокопович и другие, нередко пользовались еврейскими текстами библейских книг, а также раввинистическими комментариями на еврейском языке; в их библиотеках были соответствующие издания, равно как и пособия для изучения древнееврейского языка [3].

Далее, в Киевской академии еще с XVII и XVIII ст. были доступными Библии на оригинальных языках – как на еврейском, так и на греческом. С той же поры в академических фондах были в наличии многоязычные издания, созданные с использованием библейских переводов – “полиглотты”, “билингвы”, “трилингвы”, “квадрилингвы”, среди них 9-ти томная еврейско-самарянско-халдейско-греко-сирийско-арабская полиглотта; 2-томное латинско-греко-немецкое издание; четырехязычное издание Нового Завета; еврейско-греко-латинская и сирийско-латинская Псалтыри; еврейско-латинские Псалмы; греко-латинские Новый Завет, Евангелия и Послания [4]. Использование таких изданий свидетельствовало о значительных возможностях развития текстологического освоения библейского материала и формирования базы как для изучения оригинальных языков Библии, так и для герменевтически-экзегетических упражнений.

Новые возможности для приобретения и усовершенствования лингвистических знаний, освоения оригинальных библейских текстов, осуществления компаративных исследований в области древних и современных переводов создавались наличием в библиотечных фондах Академии словарей древних языков и соответствующих грамматик. Понятно, что основной текстуальный материал могли давать упомянутые выше библейские издания, в т.ч. многоязычные, включавшие версии текста на оригинальных языках, древние переводы, переводы на новые европейские языки. Что же касается необходимых вспомогательных средств текстологической работы, то можно было бы отметить наличие таких изданий, как: халдейский, талмудический и раввинистический лексикон Й. Буксдорфа (Базель, 1639); еврейско-халдейско-греко-немецкий словарь (без титула). Работе над библейским оригиналом и древними переводами способствовали также учебник еврейского и халдейского языков Буксдорфа (Базель, 1631); еврейская грамматика Михаэлиса (Братислава, 1748); многочисленные грамматики древних семитских языков: еврейские, халдейские, сирийские; греческие, латинские, церковнославянские грамматики других авторов. Здесь отметим достижение самой киевской академической школы XVIII в.: греческую грамматику, изданную В. Бантыш-Каменским (Лейпциг, 1779) [5].

Внимание к переводу Библии, к изучению и использованию оригинальных языков в ее истолковании, обращение к филологическо-критическим методам актуализировались в европейской библеистике еще и в связи с распространением в XVIII ст. пиетистского движения. Эти тенденции были представлены в киевском богословском и экзегетическом пространстве текстами Йогана-Генриха Михаэлиса, Йоахима Ланге, Августа-Германа Франке, Франца Буддея. Эти замечательные богословы, философы, ученые принадлежали к известнейшим немецким пиетистским школам, развивавшимся в университетах Галле и Йены. Там же получали образование, например, Феофан (Прокопович) и его воспитанник Симон (Тодорский); они сотрудничали с немецкими пиетистами во многих областях библеистики. Так, Прокопович, находясь в Галле, сблизился с профессором гебраистики, выдающимся богословом, систематизатором и пропагандистом пиетизма А.-Г. Франке и долго переписывался с ним. Известный в Европе ориенталист и гебраист Й.-Г. Михаэлис

высоко оценивал Симона Тодорского (тот с 1727 г. учился в университете Галле у Михаэлиса) и дарил ему немало книг на еврейском и других восточных языках из собственной библиотеки. Обучаясь в галльском университете, Тодорский также общался с А.-Г. Франке, переводил труды этого немецкого ученого. Большую роль в переводческом творчестве Тодорского играли еврейские и греческие тексты Библии [6].

Использование библеистического наследия немецких пиетистов стало важным компонентом изучения и исследования Священного Писания в Киевской академии, что касалось прежде всего библейской гебраистики. Особенно систематический характер оно приняло с 30-х гг. XVIII в., когда Тодорский возглавил процесс освоения библейских языков в Киевской академии, с 1738 г. преподавая там греческий, еврейский и немецкий языки. Характерной чертой этих курсов была грамматическая практика, теснейшим образом связанная с чтением, разбором и анализом еврейского библейского текста, особенно Пятикнижия. Как нельзя лучше тут пригодились наличие в Академии уже упомянутых еврейской Библии, изданной Михаэлисом, и его же еврейской грамматики, которой довольно активно пользовались (в библиотеке насчитывалось 17 ее экземпляров). Правила чтения библейских текстов, отображенных консонантным письмом, осваивались “спудеями” академии с помощью “Ключа к еврейскому чтению” Й. Ланге (Галле, 1735) и диссертации Й.-Г. Михаэлиса о еврейских “точках”-*некудот*. (Галле, 1739). Комментирование Библии с применением филологических и историко-критических методов, которого не чурались упомянутые немецкие исследователи, могло влиять и на киевских библеистов, посредством таких имеющихся в академической библиотеке трудов, как 3-томные толкования Й.-Г. Михаэлиса на Ветхий Завет (1720); библейские комментарии и лекции А.-Г. Франке, изданные в Галле (1709) и Магдебурге 1724; комментаторское “Введение” Франке к Псалтири (Галле, 1734); “Исагогика историко-богословская” Ф. Буддея (Лейпциг, 1730) [7].

Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в формулировании идеологических установок относительно изучения библейских языков в Киевской академии. В определенном контрасте с многовековой заангажированностью православной Церкви греческой и церковнославянской традициями, в “Духовном регламенте” Прокоповича отмечалось: “Языки греческий и еврейский (если будут учителя) меж оными урочный час на себя примут...” [8]. Проблемы преподавания и усвоения в Киевской академии “восточных священных языков” неоднократно обсуждались на высшем уровне церковного руководства. Так, переписка между ректором академии архимандритом Давидом (Нащинским), митрополитом Киевским Арсением (Могилянским) и Киевской духовной консисторией (14 августа – 17 сентября 1760 г.) неслучайно была обозначена титулом “О приведении преподавания в Киевской академии восточных языков в лучшее и совершеннейшее состояние”. В тогдашнем “Определении Киевской Духовной Консистории” читаем: “...увидев чрезвычайное некоторых учеников относительно восточных священных языков, а именно еврейского и греческого, небрежение... для оной же должности (приходского священника или монаха – С.Г.) надобно чтение ветхого и нового завета, а также разумение отеческих книг, истолковывавших священное писание. Означенные же книги, как священного писания, так и отеческие, не зная восточных языков еврейского и греческого по самому оригиналу, который по многим причинам при чтении священного писания и отеческих книг является необходимым, читать совсем не возможно...” Далее ученикам “высших классов” – риторики, философии, богословия – приказано было обучаться “восточным священным языкам”. Ослушников рекомендовалось принуждать, даже применяя телесные наказания. Правда, от последних решено было отказаться, чтобы не отвращать студентов от обучения в Академии [9].

Вопрос об изучении древних языков в Киевской академии поднимался и в дальнейшем. На указ Святейшего Синода о преподавании языков во всех духовных школах, Киевский

митрополит Самуил (Миславский) отвечал, что греческий в КА преподается; 13 января 1788 г. митрополит дополнительно распорядился изучать греческий в классах богословия – философском, риторическом, поэтическом [10]. В Синодальном указе Киевскому митрополиту Ерофею (Малицкому) от 31 октября 1798 г., содержащем устав преобразования духовных академий, отмечалась необходимость преподавания языков. Предписывалось, кроме современных европейских (французского и немецкого), “еврейский, а наипаче греческий [11], нужные для уразумения Священного писания, изучать всем...” [12].

В конце XVIII – начале XIX вв., в бытность ректором Киевской академии Феофилакта (Лопатинского), а учителем богословия архимандрита Киево-Братского училищного монастыря Иринея (Фальковского), греческий и еврейский языки неизменно включаются в учебное расписание. Предписывалось “священно- и церковнослужительским детям изучать греческий и еврейский языки – всем, без исключения...” [13]. Для усвоения грамматических правил “в еврейском классе” привлекался библейский текст: разбирались и изъяснялись значения и смысловые особенности каждого слова из конкретных книг Писания – из шестнадцати глав 1-й книги Моисея и шести псалмов из Псалтири в течение 1801 г., из двадцати глав 1-й книги Моисея, из восьми псалмов Давидовых в 1802 г. Примеры из текста Священного Писания применялись для иллюстрации правил из еврейской грамматики [14]. Аналогичный отчет за 1806 г. о работе “еврейского класса” (в частности, о переводе на протяжении года “с грамматическим разбором некоторых священного писания мест, помещенных в грамматике в конце” и “с разбором грамматическим пяти псалмов” подписал учитель “еврейского класса”, “студент богословия” Сильвестр Гогоцкий [15]. Из отчета за 1809 г. узнаем, что в “еврейском классе” “переведено с грамматическим разбором из Библии книги Бытия 10 глав” [16]. На протяжении 1814 г. “прочитано с разбором и указанием на свойства правил еврейского языка и с переводом на латинский язык 21 и 22 главы Бытия и другие места священного писания” [17].

Правда, отмечалось уменьшение значения библейского и святоотеческого материала в преподавании разных предметов в начале XIX ст. в сравнении с XVII и XVIII ст. [18]: “скудость библейской и особенно патристической эрудиции”, отсутствие в изложении ссылок на Библию и на творения святых отцов, вызванное, возможно, “влиянием светской школы” – российской университетской системы образования и преподавания [19].

В “Высочайшем указе Святейшего Синода о преобразовании духовных школ и докладе Комитета по усовершенствованию духовных училищ” (которым была начата реформа духовных учебных заведений Российской империи) пунктом IV вводились классы по изучению языков – еврейского, греческого, латыни [20]. В утвержденном императором Александром I проекте Устава духовных академий от 30 августа 1814 г. согласно которому практически реформировались духовные школы, в т.ч. с 1819 г. и Киевская академия, на преподавание и практическое использование оригинальных библейских языков, в т.ч. и древнееврейского, указывалось в п. 166 рекомендаций по разделу “наук богословских”: “Лучшая метода богословского обучения без сомнения состоять должна в чтении священного Писания и в раскрытии истинного смысла его, *по оригинальному изложению* (курсив мой – С.Г.) и лучшими разъяснениями святых отцов.” Так еврейский, греческий, латынь утверждались в статусе обязательных учебных курсов [21].

В 30-х, 40-х и 50-х гг. XIX ст. еврейский язык, наряду с греческим, был предметом “публичных испытаний” студентов “высшего отделения”. Это требование, очевидно, соотносилось с необходимостью экзегетических упражнений, которые также требовались на экзаменах в “классе чтения Св. Писания”. Они состояли в чтении и разъяснении глав из отдельных ветхозаветных книг (прежде всего учительных книг, таких как Иов и Экклезиаст)

“с разбором еврейского оригинала”, или герменевтическим разбором” [22]. Священное Писание и языки – еврейский, греческий, немецкий, французский – изучались студентами обоих отделений (“высшего” и “низшего”) в течение 4-х лет обучения. Как на “низшем”, так и на “высшем” отделениях греческий занимал 4 часа, еврейский – 2 часа в неделю. Особенно значительные изменения в учебных академических курсах произошли в начале 40-х гг. XIX в., причем они, несомненно, были связаны с семинарской реформой, проводившейся по инициативе тогдашнего синодального обер-прокурора Н.Протасова. В результате нововведений “были уничтожены следы специализации, нарушенной была целостность академического учебного курса и чрезвычайно была усилена многопредметность” [23]. Эта тенденция привела к тому, что еврейский язык перестал быть обязательным в 1869 г.

Но несмотря на усложнение условий преподавания и очевидную эволюцию КДА в сторону, обратную прежним университетским традициям, новая Киевская духовная академия “сделалась выдающимся очагом и рассадником языкознания” – в значительной степени, благодаря наличию в составе ее преподавателей выдающихся и ярких личностей. И особенно много здесь было прекрасных знатоков еврейского языка, чем славилась и старая Академия, в частности, в первой половине XVIII в. В результате кафедра еврейского языка, несмотря на ее специализированный характер, в Киевской духовной академии отличалась высоким уровнем преподавания. Среди ее выдающихся представителей был профессор С.Ф. Соловьев, составивший грамматику халдейского языка, которая заслужила похвальные отзывы не только от киевских профессоров, но и от такого известного тогда гебраиста, как прот. Г.П. Павский. Эта грамматика оказалась неизданной – из-за отсутствия набора соответствующих букв в типографии Киево-Печерской Лавры и “иных средств у автора”. Не менее известным был И.П. Максимович, в течение 25 лет (1836-1861 гг.) занимавший кафедру гебраистики, который вместе со своим учеником и преемником М.С. Гуляевым (занимал кафедру в 1861-1866 гг.) много потрудился над переводом с еврейского ветхозаветных священных книг. Так, И.П. Максимович принимал участие в подготовке Синодального перевода Библии: когда Святейший Синод обратился к духовным академиям с призывом начать перевод Ветхого Завета, Максимовичу было поручено перевести 1 кн. Царств, из которой он успел перевести 19 глав, и книгу Экклезиаста, перевод которой вышел посмертно [24]. Особенно стоит отметить, что именно И.П. Максимович в 1859 г. осуществил первый украинский перевод книги Псалмов [25]. М.С. Гуляев в период подготовки Синодального перевода трудился над рядом “исторических” книг Ветхого Завета (1-4 Царств; 1-2 Паралипоменон; Ездра; Неемия; Есфирь). Его переводы сопровождались историческими и филологическими примечаниями-комментариями; последний перевод вышел также посмертно [26].

Наконец, в конце 60-х гг. XIX в. Киевская духовная академия обрела, пожалуй, самого одаренного за все столетие гебраиста в лице молодого профессора А.А. Олесницкого, который “поставил изучение еврейского языка и библейской археологии на строго научную почву в полном соответствии новейшим успехам науки в этой области” [27]. В круге его научных интересов как знатока еврейского, сирийского, арабского языков были текстология и литературная критика Библии [28]; ветхозаветная поэтика [29]; библейские переводы – Олесницкий перевел ветхозаветные пророческие книги [30].

Интересно обратиться к академическим отчетам 80-х гг. XIX в., где мы находим свидетельства об уже зрелом Олесницком-преподавателе, в частности, о структуре его курсов и методе изложения. Так, “по еврейскому языку ординарный профессор Иоаким Олесницкий преподавал грамматику еврейского языка и переводил первые главы книги Второзакония. ... По библейской археологии ... после понятия о библейской археологии и ее источниках, а также истории этой науки, подавал сведения о святых местах, о ветхозаветном богослужебном персонале, о религиозных и богослужебных действиях, о ветхозаветных

священных временах, и переводил с еврейского книгу пророка Исаяи...” [31]. В следующем году “по еврейскому языку и библейской археологии ординарный профессор Иоаким Олесницкий студентам I курса, после общих сведений о семитских языках и алфавитах и происхождении древнееврейского алфавита, излагал грамматику еврейского языка и переводил, с надлежащим пояснением, первые главы книги Выход; ... студентам II курса ... переводил, с подробным разбором, с еврейского книги пророков Амоса, Авдия, Ионы и Михея” [32]. И в дальнейшем эта апробированная методика применялась в преподавании как древнееврейского языка, так и библейской археологии: А.А. Олесницкий, преподавая еврейский язык студентам I курса, переводил с комментариями библейский текст, а преподавая библейские древности студентам II курса, “сообщал сведения о домашних и гражданских древностях еврейского народа, и для упражнения в еврейском языке переводил с подробным разбором, с этого же языка, книги пророков Михея, Наума, Аввакума, Софонии, Аггея”. [33]. Таким образом, систематически объединяя преподавание древнееврейского языка и библейской археологии, А.А. Олесницкий осуществлял своего рода методологический прорыв в отечественной методике преподавания библейских дисциплин. Для библейской экзегезы он создавал историко-лингвистическую основу, а библейский древнееврейский язык усваивался студентами неотрывно от своего историко-культурного контекста.

Осознание необходимости преподавания и изучения в КДА оригинальных библейских языков, особенно древнееврейского, происходило во второй половине XIX ст. вследствие сложного взаимодействия внутренних потребностей и внешних влияний. Интенсивное освоение еврейских, греческих и славянских текстов еще с XVIII ст. стимулировалось нуждой в исправлении церковно-славянской Библии (вследствие чего и появилась Петровско-Елизаветинская Библия), а в XIX ст. – созданием ряда библейских переводов (переводы Российского библейского общества на русский и другие языки, русский Синодальный перевод, национальные переводы, в т.ч. украинские). Так, Синодальный перевод Библии явился в свое время важным следствием восприятия, по крайней мере, отдельными представителями православного академического богословия ряда достижений европейской библеистики в области исследования библейского текста, а также методологических подходов к переводу, синтезировавших святоотеческое наследие и достижения эпохи европейской реформации и Нового времени. Наиважнейшим тут стало признание ценности для библейского перевода масоретской текстологической традиции наряду с Септуагинтой, использование масоретского текста вместе с Септуагинтой для перевода Библии и православной экзегезы, а также актуализация вопроса о систематическом изучении в православных духовных учебных заведениях древнееврейского языка, наряду с греческим, для более полного и глубокого экзегетического постижения Священного Писания.

Вероятно, именно в связи с этим Святейший Синод актуализировал вопрос об изучении древнееврейского языка в православных духовных учебных заведениях, организовав соответствующее обсуждение, отраженное, в частности, в протоколах Совета Киевской духовной академии. Так, из п. III протокола заседания Совета КДА от 30 ноября 1888 г. мы узнаем об Указе Святейшего Синода от 25 октября за № 5360: руководство Санкт-петербургской духовной академии просило Синод сделать изучение еврейского языка обязательным для студентов I курса “в видах более успешного изучения студентами священного Писания Ветхого Завета и библейской истории”. Святейший Синод обратился в Совет КДА с просьбой дать экспертную оценку. Приведена справка, из которой явствует, в частности, что эта инициатива впервые была сформулирована именно в Киеве, в КДА:

“Член Совета Киевской академии и профессор еврейского языка и библейской археологии Иоак. Олесницкий уже 19 октября 1885 года входил в Совет с предложением,

чтобы изучение этого предмета сделано было обязательным для всех студентов академии, как это было до 1869 года. Это предложение Советом академии (по журналу от 31 октября 1885 года, ст. XVI), было принято и в установленном порядке представлено на соизволение Святейшего Синода, но это представление осталось без последствий”. Совет КДА решил создать экспертную комиссию в составе: ординарного профессора Акима Олесницкого (еврейский язык, библейская археология), доцента Арсения Царевского (Священное Писание Ветхого Завета), доцента Федора Покровского (библейская история) [34].

Из п. VII протокола заседания Совета КДА от 27 января 1889 г. мы узнаем о выводах экспертной комиссии, в которых проанализирована необходимость изучения оригинальных библейских языков. Оценки комиссии и ныне не теряют актуальности:

“1) Такое изучение она (комиссия – С.Г.) признает безусловно необходимым. Студенты богословия, которые читают в оригинале греческих и латинских классиков и не имеют никакого понятия об оригинальном языке священных книг, являют собою ненормальное явление. Допустим, существуют переводы священных книг на иные языки... тем более нельзя быть знатоком св. писания, основываясь лишь на переводах. Ветхозаветные священные книги написаны на языке семитической группы, формы которой весьма мало отвечают формам индоевропейских языков. Вследствие этого, переводчики Ветхого Завета во многом не могут согласиться между собой.

Можно утверждать также, что безусловно точного перевода св. книг Ветхого Завета, подобных переводу книг новозаветных, быть не может. По отношению к студентам Академии этот вопрос усложняется еще и тем, что на руках у них ныне обращается два перевода. Перевод славянский, сделанный с греческого перевода LXX толковников. И перевод русский, сделанный с еврейского масоретского текста [35].

Как известно, между этими двумя переводами существуют весьма значительные различия, особенно в книгах пророческих и учительных; ориентироваться в таких расхождениях можно лишь путем тщательного изучения еврейского текста священных книг и его вариантов. Не зная еврейского языка, студенты Академии в таких случаях обычно обращаются к какому-нибудь из немецких переводов, как к последней инстанции в решении вопроса. Этим укрепляется господство не всегда полезного и желательного влияния западной библейской науки в нашей духовной школе.”

И дальше – необычайно ценные замечания о влиянии такого положения дел на методику и содержание преподавания библеистики и богословия: “Незнакомство студентов с древнееврейским языком вынужденно отражается на преподавании всего круга библейских наук, читающихся в Академии; но главным образом оно отражается на преподавании св. писания Ветхого Завета. ... Преподаватель этой науки, если он стремится быть вполне понятным для своих слушателей, вынужден излагать не строго специальную дисциплину. А лишь некую ее популяризацию. Некоторые разделы. Неудобные для популяризации приходится или вовсе игнорировать, или же читать в специальном изложении, совсем непонятном для студентов. Такими являются все вопросы общего введения в св. книги: история внешнего вида ветхозаветного текста, история переводов и толкований, метрические формы ветхозаветной поэзии, пр. Также следует сказать и про специальное введение в каждую св. книгу. В вопросе достоверности каждой книги на первом месте наука ставит филологические основания, о которых нельзя говорить со слушателями, не имеющими понятия о языке Библии. Экзегетика Ветхого Завета, в смысле толкования текстов, не может стоять твердо. Потому что специальное разъяснение текста невозможно без обращения к еврейскому оригиналу”[36].

В обозначении методологических приоритетов такая позиция, как видим, отражала мощное влияние европейской библейской науки (несмотря на идеологически заданные заявления об обеспокоенности этим самым влиянием или даже “засилием”). Эта позиция в

определенной мере противоречила церковному пиетету перед традицией Септуагинты и церковнославянского текста Библии (ярко проявившемуся в XIX в. в весьма влиятельных церковных кругах и в период переводческой работы Русского библейского общества, и в период дискуссии о будущем Синодальном переводе). Мало того: парадоксальным образом, именно греческий язык, несмотря на официальный пиетет перед переводом LXX, менее всего изучался как язык Библии. Типичным было положение, о котором узнаем, скажем, из отчета об учебном процессе в 1888/9 г.: греческий изучался в КДА хоть и достаточно интенсивно, но в основном на основе классических античных текстов (аналогично, кстати, латыни), практически без привлечения библейского текстуального материала. Поэтому не случайно мы встречаем у летописца Академии замечание о том, что "... меньше посчастливилось в этом отношении греческому языку..." [37].

О более широком культурном и идеологическом контексте обсуждения вопроса о преподавании и изучении древнееврейского языка как библейского свидетельствует протокол Совета КДА от 17 августа 1889 г. Там приведен Указ Святейшего Синода от 21 июня 1889 г. за № 2379, в котором зафиксированы позиции всех духовных академий Российской империи по этому вопросу. Отрицательное отношение к этой идее косвенным образом высказала лишь Казанская ДА, и то мотивировав свою позицию тем, "что в один год невозможно достигнуть сколько-нибудь основательного знания еврейского языка". Одобрение этой идеи Санкт-Петербургской, Московской, Киевской академиями имело, вероятно, сложную мотивацию: играли свою роль и осознание необходимости изучения языка, и реакция на инициативу "сверху". Однако, одобрив эту идею, академии так и не смогли дать внятных предложений по эффективной организации самого преподавания и по его месту в учебном процессе. Из-за этого общегосударственное решение по вопросу принято не было; преподавание еврейского языка вводилось "частными распоряжениями", "в виде опыта и временной меры", а учебные часы предписано было выделять для этого "по ближайшему их усмотрению, но не касаясь определенного уставом распределения предметов академического курса". Совет КДА принял решение "с сего 1889/90 учебного года в Киевской духовной Академии сделать общеобязательным для всех студентов I курса изучение еврейского языка, для которого в этом курсе положено две лекции (в неделю – С.Г.)" [38].

Это стало важной вехой становления в КДА гебраистики как учебной и исследовательской дисциплины, а также создавало почву для расширения поля текстологического освоения библейских текстов. В этот процесс могли включаться тексты, созданные в рамках масоретской традиции и попадавшие в разное время в соответствующие фонды таких учреждений КДА, как академическая библиотека или открытый в начале 1873 г. Церковно-археологический музей. Экспонаты последнего, – например, "витрины с еврейскими древностями греко-римского периода и предметами современного еврейского культа": средневековый свиток Пятикнижия Моисеева на еврейском языке "на 19 списных листах" за № 1870, содержащий книгу Бытия и часть книги Исход; пергаментный свиток Торы синагогального употребления "15 саженой длиною, шириною более аршина" за № 1869; синагогальный пергаментный свиток "мегилат Эстер" на еврейском языке за №№ 1871-72; виленские издания той же книги Эстер за №№ 1873-1877 [39]; с "витрин XVIII-XX – Палеография – рукописи и отрывки": отрывок из еврейского Пятикнижия на пергаменте за № 137; два экземпляра еврейского Декалога на пергаменте за №№ 138, 139; книга Эстер на пергаменте за № 140; отрывок из самарянского Пятикнижия за № 141 [40] – уже не оставались просто музейными артефактами, но обретали предметную фактуальность реальных текстологических и экзегетических источников.

Актуализация в КДА "языкового вопроса" стала одним из тех знаковых событий, которые открывали в XIX в. новую эпоху в истории интеграции Киевской духовной академии в

мировой и европейский духовно-культурный и научно-интеллектуальный контекст, вхождение ее в формировавшееся на протяжении всей второй половины столетия поле культурно-конфессионального и методологического взаимодействия, вследствие которого был чрезвычайно расширен угол зрения в освоении мирового духовного и культурного наследия.

Примечания и ссылки:

1. Этот пафос не только питался ригористическим негодованием против вульгарной торговли индульгенциями, но и укреплялся спокойным академизмом Дезидерия, который своей греко-латинской билингвой дал возможность верующим самостоятельно определяться в способе покаяния перед Богом - выбирать между *paenitentiam agite* и *recipiscite*. Так, призыв Иисуса: "Покайтесь!" (напр., Мт. 4:17), по-гречески μετανοείτε, Вульгата переводила как *paenitentiam agite*, то есть – "понесите положенное наказание", что отвечало официальной церковной позиции, превозносящей внешнюю, институциональную сторону религиозной жизни. Эразм предложил более точное латинское соответствие – *recipiscite*, то есть "одумайтесь". Такой перевод сразу перемещал центр религиозной жизни в сферу внутреннюю, индивидуально-личную. Латинский перевод Эразмом Нового Завета, в котором фактически разоблачались иерократические тенденции, заложенные в Вульгату католической Церкви, стал чрезвычайно актуальным для эпохи Реформации.
2. См.: Горський В. Європейська академічна традиція в Києво-Могилянській академії. // Релігійно-філософська думка в Києво-Могилянській академії: європейський контекст. – К.: Изд. дом "КМ Академія", 2002 – С. 21-22; Ісаєвич Я. "Lusaeum Trilingue": Концепція тримовної школи у Європі в XVI ст. //Україна давня і нова. Народ. Релігія. Культура. – Львов, 1996. – С. 308-318.
3. См.: Нічик В.М. Симон Тодорський і гебраїстика в Києво-Могилянській академії. К.: Изд. дом "КМ Академія", 2002. – 51+32 вкл. – С. 14-18.
4. См.: Петров Н.И. Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. Отд. II. Т. V. К., 1908. № LXXVII – С. 302-303, 330, 360-362. (далее: Петров Н.И. Акты и документы... Отд. II)
5. См.: Петров Н.И. Там же. – С. 329, 356-357, 448, 450, 452-460.
6. См.: Аскоченский В. Киев с древнейшим училищем его Академиею. Ч. II. – К., 1856 – С. 428; Вишневский. Киевская Академия в первой половине XVIII в. К., 1903. Приложение VII ; Киевская Старина. 1896., июнь. Документы, известия, заметки. – С. 80; Нічик В.М. Симон Тодорський і гебраїстика в Києво-Могилянській академії. – С. 12, 26, 27, 29, 30, 34, 36; Чижевський Дмитро. Українські друки в Галле. Краків-Львів, 1943 – С.1-30; Щукин Василий. Симон Тодорский, его значение в истории науки старой Киевской Академии. Диссертация. – К., 1895 (Инст. рукоп. НБУ им. В.И. Вернадского. Шифр. 1418; эта старая диссертация была обработана и введена в научный оборот проф. В.М. Ничик – см. труд, указанный в пр. 3); Winter Eduard. Der auf geklarte Biblizist Simon Todorskyj (1700-1754)// Ketzerschicksale. Christliche Denker aus nein Jahrhunderten. Berlin, 1979. – С. 243-251.
7. См.: Петров Н.И. Акты и документы... Отд. II. Т. V. № LXXVII – С. 331, 333, 356-357, 366, 448, 450.
8. См.: Петров Н.И. Акты и документы... Отд. II. Т. I. Ч. 1. К., 1904. № 1. – С. 8.
9. См.: Петров Н.И. Акты и документы ... Отд. II. Т. II. К., 1906. № CVII. – С. 356-358.
10. См.: Петров Н.И. Акты и документы... Отд. II. Т. V. № XIV. – С. 73-74.
11. Предписание изучать прежде всего греческий язык, кроме потребности в исследовании оригинального текста Нового Завета, определялась, как известно, особым статусом греческого перевода Септуагинты, как принятого православной традицией первоисточника. Вместе с этим, смещение внимания в сторону еврейской версии Священного Писания происходило, как правило, не без влияния протестантской текстологии и экзегезы

12. См.: *Титов Ф.И.* Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. Отд. III (1796-1809 гг.). – Т. I (1796-1803 гг.). К., 1910. – 792 С. – С. 98-99. (далее – *Титов Ф.И.* Акты и документы ... Отд. III)
13. См.: *Титов Ф.И.* Там же. – № XIX – С. 80; № XXXV – С. 131; № LXXI – С. 222.
14. См.: *Титов Ф.И.* Там же. – № XCII – С. 365; № CII – 392-393.
15. См.: *Титов Ф.И.* Акты и документы... Отд. III (1796-1809 гг.). – Т. II. К., 1911. – № XC – С. 283-284. Сильвестр Гогоцкий – отец известного философа, представителя Киевской академической школы, С.С. Гогоцкого.
16. См.: *Титов Ф.И.* Акты и документы... Отд. III. – Т. III. К., 1912. – № XIV – С. 139.
17. См.: *Титов Ф.И.* Акты и документы... Отд. III. – Т. IV. К., 1913. – № XLVII – С. 265.
18. Далее мы еще встретим свидетельства постепенного роста на протяжении XIX ст. “светского элемента” в текстуальном материале, использовавшемся для преподавания греческого языка – все меньше библейских текстов, все больше античной “классики” – что довольно показательно: ведь речь идет о традиции, ведущей свою родословную от Септуагинты и греческой литургии.
19. См.: *Титов Ф.И.* Акты и документы... Отд. III (1796-1809 гг.). – Т. III. К., 1912. – Предисловие – С. LIII.
20. См.: *Титов Ф.И.* Акты и документы... Отд. III (1796-1809 гг.). – Т. II. К., 1911. – № CXVIII – С. 372-373.
21. См.: *Титов Ф.И.* Акты и документы... Отд. III. – Т. IV. К., 1913. – № XXVIII – С. 105-106; 136.
22. См., напр.: *Указание* предметов, предназначенных для публичного испытания студентов Киевской духовной Академии, имеющего быть 1834 года. Киев. В типографии Киево-печерской Лавры, 1834.–С. 3, 4; *Программа* публичного испытания студентов Киевской Духовной Академии, имеющего быть 30-го июня 1849 года по случаю окончания XVI-го учебного курса. Киев. Тип. Ф. Гликсберга, 1849.–С. 6.; *Программа* публичного испытания студентов Киевской Духовной Академии по окончании пятого учебного курса. Киев. В типографии Академии Киевской при Киево-печерской Лавре, 1851.– С. 4.
23. См.: *Титов Ф.* Императорская Киевская духовная Академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615-1915). Киев. Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры. 1915. – 432 с. – С.358.
24. См.: Труды КДА, К., 1861. – № 1-12; Христианское чтение. – СПб., 1861. – Т. 2, № 4.
25. См.: *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. К., 1912. – Т. 3. – С. 337; *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. – СПб., 1899.
26. См.: Исторические книги Священного Писания Ветхого Завета. К., 1866; Православная Богословская Энциклопедия. – Т. 4. – С. 799-800.
27. См.: *Титов Ф.* Императорская Киевская духовная Академия в ее трехвековой... – С.377-379.
28. См.: *Олесницкий А.А.* Вставки в книгу Иисуса Навина 21,42 и 24.30 по поводу 70-ти и мнение о них.// Чтения Общества любителей духовного просвещения, 1878, № 1; *Его же.* Тенденциозные корректуры иудейских книжников (соферимов) в чтении Ветхого Завета.// Труды КДА, 1879, № 5; *Его же.* Книга Притчей Соломоновых и ее новейшие критики. К., 1884; *Его же.* Книга Песнь Песней (Шир га-Ширим) и ее новейшие критики. К., 1882, 1884.
29. См.: *Олесницкий А.А.* Древнееврейская музыка и пение.// Труды КДА, 1871, № 11-12; *Его же.* Ритм и метр в ветхозаветной поэзии.// Труды КДА, 1872, № 11-12.
30. Переводы печатались в "Трудах КДА" на протяжении 1865-1873 гг.
31. См.: *Отчет* о состоянии Киевской Духовной академии за 1886/7 учебный год. – С. 21, 24. //Извлечение из протоколов Совета КДА за 1886/7 учебный год. Киев. Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1888.
32. См.: *Отчет* о состоянии Киевской Духовной академии за 1887/8 учебный год. – С. 21. // Извлечение из протоколов Совета КДА за 1887/8 учебный год. Киев. Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1889 – С 24.

33. См.: *Отчет* о состоянии Киевской Духовной академии за 1888/9 учебный год. – С. 24. //Извлечение из протоколов Совета КДА за 1888/9 учебный год. Киев. Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890.
34. См.: *Извлечение* из протоколов Совета КДА за 1888/9 учебный год. Киев. Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. – С. 75-77.
35. Речь идет, очевидно, о церковнославянской “Петровско-Елизаветинской” Библии, переведенной в своей ветхозаветной части с Септуагинты, а также о русском “Синодальном” переводе, в основу ветхозаветной части которого был положен еврейский “масоретский” текст, с учетом прежних, долго запрещааемых переводов Ветхого Завета с древнееврейского – прот. проф. Г.П. Павского и архимандрита Макария (Глухарева). Греческий перевод LXX и славянские переводы играли при этом вспомогательную роль. Это в конце концов обусловило различия между Синодальным и церковнославянским, каноническим богослужебным текстом. Попытка “синтетического” сопоставления масоретского и греческого текстов ВЗ в качестве оригиналов для Синодального перевода, по своей сути была ответом на запросы научной библейской текстологии. Однако, такой синтез часто критиковался за произвольность и отмечался в качестве одного из недостатков Синодального перевода.
36. См.: *Извлечение* из протоколов Совета КДА за 1888/9 учебный год. Киев. Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. – С. 149-151.
37. См.: *Отчет* о состоянии Киевской Духовной академии за 1888/9 учебный год. – С. 26, 27. // Извлечение из протоколов Совета КДА за 1888/9 учебный год. Киев. Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890; *Титов Ф.* Императорская Киевская духовная Академия в ее трехвековой... – С. 378-379.
38. См.: *Извлечение* из протоколов Совета КДА за 1889/90 учебный год. Киев. Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1891. – С. 3-6.
39. См.: *Указатель* Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Сост. Н.И. Петров. Второе издание Киев, Типография Императорского Университета св. Владимира. 1897 – С. 22.
40. См.: Там же. С. 204.

Впервые опубликовано: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/kda_hebrew.doc